

18+

Наталья Метелица

Свидетельство о нерождении

В

С

Т

И

Х

А

Х

Наталья Метелица Свидетельство о нерождении. В стихах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64462277
ISBN 9785005343253*

Аннотация

Как-то чересчур много тем еды (голода), холода, а также травм физических и увечий обнаружилось в этом сборничке... Но уже как вышло. Жизнь продолжается. Хотя до сих пор гадаю: то ли я убеждаю стихи в их нерождении, то ли они меня в моём. Но ведь НЕДОРОЖДЕНИЕ – тоже путь?! Помимо основных текстов (осень-20 – зима-21), включена большая часть стихов, написанных ранее. Электронные сборники (или для заказа печати в «Ридеро»): «От шрама до шарма», «Слова – для тишины...», «Голые заплатки», «Весна-2020».

Содержание

Пусть и такой	9
Поздно и опаздывать	10
Земная	11
Когда меня переживёшь	12
Вот идёт человек?	13
Отпусти	14
Скажут за тебя	15
Понарошку не надёжней?	16
Без разницы о чём	17
За добавкой тишины?	19
«В молчании моём и ты спокойней...»	20
Половинки растревожились	21
Родных не удаляют	22
«Мы никогда не будем прежними...»	23
Капризные	24
Чехарда	26
Недоскрещённая	27
Один плюс один	28
Сакральная обнажённость	29
Новогодняя распутица	30
Лунные циклы	31
Слова кончаются не там...	32
Сквозняки	33

Терпеть ли дальше?	34
Не наше лето	35
Скажи, зачем мне?	36
Читай меня не между...	37
Эхо	39
Случайная	40
Дождь аккуратный, как твоё письмо	41
«Что делать мне с тобой, не знаю...»	42
Разлучаешь снежинки со снегом	43
Потерялись	44
Пряжа	46
Мигреновое	47
Ст'ойт ли?	48
Свет спасается в тумане	49
«Ушедший в стихи...»	50
Дом завершающих смирений	51
Апломб	53
Слова из пластика – как мусор на века	54
О смирении наполовину	55
Живу себе	56
Долететь	57
Капелька	58
Не забудут – так порвут	59
«Надорвёшься, пока таскаешь...»	60
Последняя, или Свидетельство о не-рождении	61
Как умирал во мне...	62

Из прошлого века	63
Быть заранее	64
Куда уходят прежние...	65
Неразумное	66
Довесок	67
«Что говорить, если всё не туда?..»	68
В обыкновенном...	69
Удивиться б...	70
Если сбудутся все «если»	71
«Много – может быть недостаточно...»	72
Любимый горький	73
Зачем...	74
«К чему все эти сложности...»	75
Празднуем не праздник	76
Множество истин...	77
Глупый клоун	78
Свет ухитряется...	79
Не пора ли заменить?	80
Ты не мог...	81
Воздух дорожает	82
Чужое детство	83
«Вот бы молча друг друга спасали...»	84
Изошряющимся	85
Не напиться	86
Зачем тогда всё?	87
Что своё, что чужое	88

Ты ли я?	89
«Судьбы неповоротливая роль...»	90
Узел ближе угла?	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Свидетельство о нерождении В стихах

Наталья Метелица

© Наталья Метелица, 2021

ISBN 978-5-0053-4325-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как-то чересчур много тем еды (голода), холода, а также травм физических и увечий обнаружилось в этом сборнике...

Нежность, переплетённая с цинизмом... – и всепрощение, спорящее с неизбывной обидой...

Но уже как вышло.

Жизнь продолжается. Хотя до сих пор гадаю: то ли я убеждаю стихи в их нерождении, то ли они меня в моём. Но ведь НЕДОРОЖДЕНИЕ – тоже путь??

Помимо основных текстов (осень-20-зима-21), включена большая часть стихов, написанных ранее.

Электронные сборники (или для заказа печатных в «Ридеро»): «От шрама до шарма», «Слова – для тишины...», «Го-

лые заплатки», «Весна – 2020».

Пусть и такой

Родина где-нибудь пахнет
только тобой – и никто
дом не отнимет. У страха
выспятся глазки. Простой
утром завяжется бантик
некогда злейших узлов.

Милая, ты не в палате.
Это – твой домик.
Из слов.

Поздно и опаздывать

Вернуться – так поздно... Прошедшее время
съедает другие недвремена.

Мои опоздания – причал ускорений,
где Небо – в трансмиссии дна.

Намешано столько, что реки – из пыли.

Мой якорь – придаток к чужим тормозам.

И вот все дороги движенье забыли,

а я – не успела назад...

Земная

Тропинка кончилась, а путь
тропинки продолжался.
Она могла со мной шагнуть
в пространство новых шансов.

Мой след сливался с чужаком.
Он тоже продолжает
одну из троп. И мы вдвоём —
Вселенная большая.

А может, малая... Её
словами не охватим.
И всё же звёздный окоём
был рад земной тетради.

Когда меня переживёшь

Ту дверь, где мы пересеклись,
навек бы заложить камнями... —
пускай как памятник меж нами;
а кто кому разрушил жизнь,
в нагромождении не видно.
Не осязаемо... Но ты
найди, где боль моя зарыта,
и в камне высади цветы.

.....

Там разберёмся, есть ли кожа
у мёртвой памяти и кто
чувствительней живых цветов,
когда и ливень обезвожен.

Вот идёт человек?

Вот идёт человек.

А на деле – не очень.

А на деле совсем
человек не идёт.

Потому что никто
человеку не хочет
объяснить, что он – вещь...

и на место, в комод,
уложить человека,
чтоб не надрывался.

Моль, и та пожалеет:
таких не едят!

...

Человек отказался.

Купил первым классом, —
чтоб для моли казался
и мёртвый крылат.

Отпусти

Расслабься, отпусти и успокойся.
Твой новый день всё знает наперёд.
Посевы – благодарные покосам.
Секунда возрождает целый год.

Логичное – всегда дитя абсурда,
когда абсурд и есть сама любовь,
где ненависть взяла отгул на сутки,
устав быть и хозяйкой, и рабой.

Пусть катится... Как ржавое колечко,
которому судьба недоржавеет.
Расслабься. Отпусти. Ещё не вечер.
Хотя и он —
надежда на рассвет.

Скажут за тебя

Можно обмануть кого угодно,
но стихи всё скажут за тебя:
каждый год – единство полугодий
или год – три сотни с лишним «я»?

Если ни о чём, то ради выжить
или наказания искать?
Стал бы ты читать стихи на крыше
сам себе? Свои же? Свысока
плюнув или прыгнув понарошку
или растекаясь до мозгов?

...

Не читай!
Молчанье тем дороже,
что полёту мало даже гор.

Понарошку не надёжней?

Знакомлю стены меж собою.
Знакомлю пол и потолок.
А те опять чужим забором
бегут из дома наутёк.

Уж лучше б жили незнакомцы.
Секрет к секрету – абсолют.
Никто упрёком не покоцан,
и клятвы новые не жмут.

А там, гляди, – семья в обнимку.
У тайны – страсть. У страсти – код.
И сейф, хранящий списки ников,
родных имён не выдаёт...

Без разницы о чём

Давай поговорим о чём-нибудь,
что не приводит к ссорам непременно.
Смотри, какие тоненькие вены
сплетают анатомию в мольбу —

и я уже не брeнная закладка
в архивах похоронного бюро,
а вечность, примеряющая срок
из любопытства: сколько пересадок
в одном из путешествий на земле,
где сроки ценят в с'амом завершенье?

Я не прошу ни льгот, ни одолжений
и даже научилась так болеть,
что кто-то позавидовал болезни
и бросил дома кровью истекать,
пока терпела мокрая кровать,
чтоб за ребёнком умершим не влезли.

Внутри не оставалось ничего,
что б помнило о вечности высокой
и для чего постскрипtum, эпилоги,
когда протух беременный живот.

.....

А после начинается игра...
Как будто разговаривают люди...
Как будто никого никто не судит
за память,
отлучённую от ран...

За добавкой тишины?

Тишина не слушает меня.
Тишина с е б я не понимает.
Учится транскрипции вранья,
а солгать – отличница немая.

Может, переехать в твой шалаш?
Там, в раю, понятливее стены?
Всё-таки – п р и р о д а!.. а не наш
блеф из декорации манерной.

Даже от страдания смешно.
Будто понарошку и страдали.
Счастье, что один из нас больной
и владеет техникой скандала.

.....

А иначе в этой тишине
рифма – мой единственный будильник.

Разбудила, глупая... За ней
буквы как убийцы приходили.

«В молчании моём и ты спокойней...»

В молчании моём и ты спокойней,
и люди не торопятся солгать,
что им приятен похоронный гам
вокруг нераспустившихся левкоев.

Легко ли пересечь красоту,
которая себя не доказала
лишь потому, что и сама немало
терпела недоказанных?.. Болтун
измучился, словами помогая,
не зная, как жестока тишина,
которая в цветах погребена,
а ей опять навязывают гаммы.

Половинки растревожились

Половинки растревожились.
Обманули их про целое.
Целый мир сошёл с дистанции.
Мудрецы сошли с ума.

Половинкам в ссоре сложно ли,
если гром погоду делает
и войне не важно, драться ли —
или драку разнимать...

...

Всё равно, откуда треснуло —
вытекает одинаково.
В целом вымучили ценное.
В звуках громкость отошла.

А вначале было весело:
не гремело – только плакало.
И отплакалось, наверное б,
да дистанция мала.

Родных не удаляют

Родных не удаляют даже мёртвых.
Хранят не память – а живых людей,
в которых если плотское и стёрто,
то кожа осязается теплей.

Иная.

Но по-прежнему так близко,
что можно задохнуться от тоски,
где близость – пот безмолвной переписки,
впитавшей всех ночей черновики.

...

А набело и не было! Стихами
становятся случайные слова.
Без ведома пришедшие.

Глухая —
а слышу...

Это Ты мне диктовал?!

«Мы никогда не будем прежними...»

Мы никогда не будем прежними,
разрушив наш весенний мир
к рождению первого подснежника —
и продолжая слыть людьми.

Людьми, которым всё прощительно?
Недолизнуть – но оплевать
и на открытках поздравительных
слог эпитафий упражнять...

Капризные

Забытых заново не пробуй!
Они – заложники стиха,
где рифмы – та же требуха,
но лучшей требуют утробы.

Каприз капризу – не указ,
да получается иначе:
пока размером озадачен,
и смысл сливаешь в унитаз.

.....

Ты можешь убеждать и дальше,
что я примерила не то
и что свободное пальто
всю стройность делает пустячной, —

но даже осень не поймёт,
откуда в мире столько грязи
и почему чужой заразой
зовут *свой* рынок нечистот...

Что мне оценки и слова,
когда оценщик без доверья,
и чем просторней вещи мерю,

тем хуже помнит голова
забытых заново...

Чехарда

Мой новый день не будет одинок.
Оставит одиночество на завтра,
а завтра передвинет прежний срок
и «где-то» трансформирует
в «куда-то», —

до бесконечности
стирая календарь,
до бесконечности
его же продлевая...

Не смейся.)
Это только чехарда.
Но только потому
я и живая.

Недоскрещённая

Ноги вышли в открытые окна.
Руки дома остались писать.
Лишь меня не спросили о сроках
р а с ч л е н е н и я на небесах.

И отправили в разные жизни
по кускам – наблюденья вести,
как легко нарожал афоризмы
не сумевший две мысли скрестить.

Один плюс один

Пересохшему озеру нечего
о себе рассказать отражению.
По нему не скучают купания,
и напиться никто не спешит.

Пересохшее озеро вечером
доверяет *единственной* женщине —
подружиться покойными спальнями
и наутро воскреснуть – и жить!

Сакральная обнажённость

Раздетой улице не нужен
цивилизованный наряд.
Ей нравится развратность лужи,
не убажжающей твой взгляд,

а просто для себя кайфуя,
пока не высохнут толчки
дождя, чьи ревностные струи
лишь глубиной и высоки.

.....

А что увидят в этом люди,
раздетой улице плевать.
Природе негде спрятать груди,
зато не надо и скрывать!

Новогодняя распутица

Нет в этих окнах вида из окна.
Формальность экспозиций, и всего лишь.
Но главная распутица видна:
зима —
в которой грязь не заморозишь.

Детали не изнашивают взгляд.
Одна недоразвившаяся серость, —
где чёрный день и серому так рад,
что даже ночь в цветное разоделась.

И пусть другие смотрят из окна,
ища в нём прошлогоднюю природу.
Распутница не взглядом спасена,
а верой, что и *грязных* любит кто-то.

02.01.21

Лунные циклы

Ведь я купила. – Новую. Цветную.
А бледность летом кажется к лицу.
Да так, что и луна к тебе ревнует,
когда не спится... Маме и отцу
на небо шлю бессрочный список жалоб,
а помню только: «дети»... «без любви»...
И стыд ещё... Кого я убеждаю,
что вопли —
уникальный алфавит?!

...

Наверно, у луны своё сиротство,
где верность – от бессилия измен.
«Ты – лучшая, не злись...
Я – тело просто,
где выдохся
небесный эстроген».

Слова кончаются не там...

Слова кончаются не там,
где разговоры неуместны.
В словах закончились места
лишь оттого, что мы не вместе;
и негде букву написать,
когда пространство тоньше кожи:
душа пришита к небесам,
а заживает осторожно, —
чтоб не нашли и сам рубец
в гримёрке лживого искусства.

Как будто плачут о тебе,
а по слогам прочесть —
смеются...

СКВОЗНЯКИ

Сквозняки себя же задувают, —
будто ветру нечего терять.

Я ли та, в которой и другая
верит, что и попусту не зря?

Я ли та, в которой обжигаться
некому, но целым скопом жжёт,
а во рту чадят протуберанцы,
чтоб навек запомнила, где рот?

Функции уже второстепенны.
Тут хотя бы место сохранить,
не ища в убожестве – блаженных
и в блатном радушии – родни.

...

Я ли та, которая любила,
заплатив всей жизнью за любовь?!

Сквозняки – скучающая сила.
Тесно —
а как будто недобор...

Терпеть ли дальше?

Терпеть ли дальше – вот вопрос
для новой порции ответов,
которым в рифме удалось
домямлить то, что недопето.

Терпенья выдано с лихвой.
Ум не дотягивал до лиха,
но всё же кончилась бедой
претенциозная шумиха.

Гордыньки, слитые в одну,
воняли хуже, чем гордыня.
Терпел виновный ли вину —
иль славил волосы седые?

Не наше лето

Прости.

Я отвыкаю от тепла,
и летний зной —
насмешка над терпеньем.

Пародия, —
которой не ждала
и заслужить.

Как будто щедрый гений
не знал, кому на память подарить
последнее, что тёплым оставалось, —
а я бросаю семя в пустыри,
ведь жаловать —
не значит
ведать жалость.

...

Меня ли тем избытком добивал,
себя ли разорял до истощенья? —
одно и то же, если сразу два
финала у единственной мишени.

Скажи, зачем мне?

Скажи, зачем мне просыпаться,
когда ни сына, ни тебя?

А я играю в мёртвый глянец
на маскараде бытия.

...

Но музыка пока играет
со мною в тот же кавардак;
и Бог – образчик театрала —
не верит сам, что лживо так...

Читай меня не между...

Читай меня не между, а внутри!
Пытливости нежнейшие минуты
не могут новой формулой мудрить,
а древними инстинктами сомкнуты

вокруг обоих, ищущих себя
в любимом, но далёком человеке,
с кем рядом – истеричная семья
и пытка многоразовой примерки.

Не по размеру гордые умы
становятся врагами не из мести,
а ради выживания! И мы
плюёмся между ног, —
как будто крестим.

.....

Так близко, что вся близость —
интервал,
где легче докричаться,
чем услышать.

Возможно, ты когда-то
и читал, —
но предпочёл

разучиваться ближе...

Эхо

Эхо прощаний исследует слух:
помнит ли встречи до тех разговоров,
где наша пара – не равенство двух,
а вычитание жертвы из вора...

Кто из нас жертва – не вору ли знать?
Или воровке – когда бы призналась.
Тело на теле – пустая кровать.
Голос на голос – ворчливая старость.

Ты бы не трогал пожитки мои.
Мне отчитаться хозяйке за месяц.
Слух одинокий, но счастлив на вид,
если больного *здоровый* не бесит.

Случайная

Ты не был случайным,
но всё-таки я
чертовски устала
от всех неслучайных.
Теперь буду думать,
что случай – моя
любимая форма
любовных мечтаний.

...

Себя облакаю
в случайное тело,
случайно родившись
в случайной стране.
Теперь буду просто
случайной потерей,
чтоб кто-то случайно
забыл обо мне.

Дождь аккуратный, как твоё письмо

Дождь аккуратный, как твоё письмо.
Промокла – а винить себя, и только.
Забыла переждать судьбу в сторонке,
а может, понадеялась: само
решится, если писем станет больше,
чем вымученных капель по жаре,
и я смогу простить тебя скорей,
чем вымокнуть под тучей осторожной.

Настойчив искусительный закон:
кто любит аккуратно – мастер пачкать.
И я опять роняю детский мячик,
но выронив *с е б я* – твоей рукой...

«Что делать мне с тобой, не знаю...»

Что делать мне с тобой, не знаю:
и так и этак – запасная,
и так и этак – всех дороже,
но дорогих скрывают тоже.

Другим ли дать взаймы бояться,
себе ль хранят – последним шансом,
а всё одно: любовь в запасе
вдвойне бездействием опасней.

Разлучаешь снежинки со снегом

Снег зиме изменяет открыто.
Градус вновь положительно жидкий.

Так противно от честного вида,
что прощаешь и ложь прощельге —

лишь бы зрение выкупать в чистом,
лишь бы снег красоте не перечил;

лишь бы тающим выменять числа
на *конкретную* дату увечья...

Потерялись

Потерял – вернёшь нескоро.
Я устала всех прощать.
Я вообще устала! Морок
съел полжизни – и опять

за окошком и под кожей —
о д и н а к о в о. Туман
сам в себе же осторожен:
выдох – лето,
вдох – зима.

У жары замёрзли ножки.
У мороза мозг кипит.
Ты по-прежнему —
художник.
Я – никто.
Подручный стыд —

доставать,
когда приспичит
несуразных малевать?

Я беру «Тебя» в кавычки —
и лишаю-сь божества.

Пряжа

О моде разговоры, о здоровье,
об осени, о будущей зиме...

А пряжа ждёт, когда облагородят
согласно прейскуранту перемен.

Она ещё надеется на спицы,
которые скучают по рукам.

Быть может, оттого всем и не спится,
покамест кот на ласку намекал.

...

Живому нужен кто-то из живущих.

Но есть и вещи, ждущие любви,
ещё не став вещами...

Так ли нужно
р о ж д е н и е,
чтоб жизнью
удивить?

Мигреневое

когда нет сил писать о чём-то,
всё в голове идёт по кругу:
играет в классики девчонка,
бросая камешки в старуху;

перетекают параллели
за край небесного корыта —
и свињи плоть сухую ели,
когда была небесность слита;

утроба выла сиротою,
пока мигрень не обленилась
напоминать, что всё живое
по кругу ест сиротский силос.

Ст'ойт ли? Из написанных раньше

Смысла нет... Раздавленные строчки
под тяжелым взглядом знатока
умирают медленно – и точки
просыпает щедрая рука
женских одиночеств каждый вечер,
где сказать и некому о том...

Может быть, поэзия и лечит,
но хотелось
н а с т о я щ и й дом.

Свет спасается в тумане

Свет во мне уже не освещает
н и ч е г о...

Не видно даже снов.

Зрение не просит о пощаде.

Зрение – родимое пятно
по размерам самолюбования.

Морок почитается за свет,
что нарочно выбрал дом

в тумане,

лишь бы не могилу

в г о л о в е.

«Ушедший в стихи...»

Ушедший в стихи
не хотел уходить.
Он там и остался навеки.
В придуманном времени,
где впереди
придумана Вечность.
А реки
и рады дерзающим
в прошлое влезть
и дну поклоняться
как Выси.

.....

Спокойно пишу.
Улыбаюсь на лесь.
И жду
непридуманных писем...

Дом завершающих смирений

Кого бы мне спросить,
где спят больные люди
без сожалений дня
и без кошмаров тьмы,
и людям хватит сил
принять любое «будет»,
которому и я
внушу здоровый смысл,
что незачем других
расспрашивать о зорях
и незачем закат
за кару принимать, —

и голос гордый тих,
и благостно в позоре,
что шла издалека
в ближайший интернат...

...

А доктор отвечал,
что нет во мне смиренья
и незачем про дом
решетчатый писать.
Там время по ночам
и снам своим не верит,

но требует при том,
чтоб снились по часам.

Апломб

Когда б душа не тратила слова,
быть может, и жила бы настоящим,
а не ища рифмованных поблажек
для азбуки тщедушия, – родства
не знающей с реальными делами.

Всё утекает в лживый перифраз
для имитаций нерождённых нас,
но сыгранных в п о ж и з н е н н о й
рекламе...

Слова из пластика – как мусор на века

Какой ерундой занимаются люди...
И лучше б не быть человеком совсем,
чем каждой записанной в столбик причуде
присваивать имя чудесных поэм.

О смирении наполовину

Вчера нарочно хлеб не доедала.
Пускай засохнет. Утром вспомню, как
обманчив голод мой, – и молодая
душа училась смерти натошак.

Но смерти, где ничто не умирает!
Сухарики достойней пирога,
когда начинка в нём полусырая,
а ты уже – зажравшийся брюзга.

Вот тут тебе сухарики – спасенье:
воспитывать судьбу и аппетит,
который рад голодной перемене
лишь потому, что *завтра снова сыт...*

Живу себе

Живу себе – где разрешится.
Немножко там, немножко тут.
Стихами заменяю спицы —
они и свяжут, и сплетут.

Срифмуют даже мне прописку,
чтоб где-то числилась и я,
а не пытала по-садистски
слова – за то, что *не* семья.

Анамнез – на библиотеку.
Библиотеке нужен дом.
Я – раскладушка в человеке,
который мне едва знаком.

Но жизнь пока ещё прощает
моё банкротство на земле, —
все эпикризы помещая
в один просроченный билет.

Долететь

Мама!

Если ты снова захочешь
разбиться,
реинкарнируйся мной.
Вдруг я отважусь вернуться,
но – птицей.

Есть вероятность – живой.

Капелька Белый стих

Солнышко моё любимое...
Почему же летом холодно?
Почему на каждом дереве
капли завтрашних дождей...

А дождям обратно хочется...
Кто их в будущее выселил?
Кто из солнышка вчерашнего
выпил душу на потом...

К а к моя любовь получится,
если общая затеряна?
если ты на каждом дереве
дату смерти предсказал...

Пожалей хотя бы капельку...
Пусть вернётся к нам сегодняшним!..
Пусть для солнышка любимого
и любимая жива...

Не забудут – так порвут

Прочитали – и забыли.
Не забудут – так порвут.
Нерешительные «или»
замутили смелый суд.

Смелость – дело наживное,
коль доверчивых сживать.
Справедливость – ноты воя.
Были музыкой сперва.

Но без слуха – ноты всмятку.
Роскошь проросли пустой.
Ум играет в непонятки:
мол, судья – уже герой.

«Надорвёшься, пока таскаешь...»

Надорвёшься, пока таскаешь
все обиды внутри себя.
Измеряешь любовь мешками,
а в мешках – по частям семья.

У тебя голова на месте,
да тяжёлая от забот:
сколько будут обиды весить,
если вырезать каждый рот,
что тебя и не трогал даже, —
а разучивал падежи.

...

Рот – последний.
И кто подскажет,
как прощение заслужить?!

У грамматики плачут лица.
В «ты» опознан трусливый «я».
Если выучить и случится,
то исправить уже нельзя.

Последняя, или Свидетельство о не-рождении

Зачем теперь рождаются слова?
Они во мне не считывают мысли.
А чувства – уж тем более... Права
п о с л е д н я я строка,
где почерк выслан
без права на второе дно – и ты
не прячешь недоношенные вещи
в беременность словесной тошноты,
а ставишь точку:
«Не рождён – но взвешен».

Как умирал во мне...

Как умирал во мне ребёнок,
уже не важно. Умер он.

А я на ситцевых пелёнках
смотрела звёздное кино,

как будто живы все игрушки
и зайцы с котиками врут,
что где-то лучшие из лучших
не существуют, а – ж и в у т!

Где эта девочка? Сбежала
от недоумков возрастных? —
кому всегда игрушек мало
в спектакле пафосной вины.

У них кино и виновато,
что нет без камер ни любви,
ни тех детей, кем мы когда-то
рождались —
взрослых удивить.

Из прошлого века

Просила просто не мешать
моим свиданиям с тобою,
где б я могла себя любую
представить. Вдох карандаша
не ждал запасов кислорода.
(Ему страница – в самый раз.)
И он спокоен был за нас,
пока и мы свои блокноты
не жгли в эфире напоказ...

Быть заранее

Сократилось расстояние —
но как будто дальше всех.

Умиралось мне заранее:
каждой зорьке – по косе.

А теперь обратно хочется —
косы зорям заплетать.

В гости к мёртвым – много почести,
а навечно – благодать,

для которой мало прожито.

Мало понято. Зато
быть заранее раскрошенным —
дар отмыться от понтов...

Куда уходят прежние...

Куда уходят прежние слова
и где их подбирает слух бродяжий,
который возрождает страсти наши,
забывшие, что их любовью звать...

Кто, вместо нас, их помнить не боится,
не дожидаясь перелёта лет,
где вечности архивный силуэт
иначе обретёт все наши лица...

Неразумное

Проснёшься вдруг – а разум не готов
ломать себя на пике сновидений —
и мечется, ища утробный тон
наружного рисунка лунной тени...

Но краски и звучание зари
истошно истерят, желая снова
замкнуть ночной рассудок изнутри,
где ночь лишь
к безрассудству
и готова...

Довесок

Теперь тебе легко, наверно?
Как будто не было меня.
И можно ложь попеременно
знакомить с масками вранья.

А вдруг в одной из них и вспомнишь
своё пропащее лицо.
И заодно меня – всего лишь
довесок к выручке дельцов.

...

Но я уже не возражаю.
В клетушках – тот же потолок,
когда зверушка – небольшая,
зато с породой повезло.

«Что говорить, если всё не туда?..»

Что говорить, если всё не туда?..

Речи чеканят пустые монеты.

На гравировку пора бы отдать,

запечатляя пустые моменты.

Так и рождаются книжки мои.

Сам гравировщик – и сам покупатель.

Но я привыкла с Тобой говорить.

Вдруг и пустого на целое хватает?

В обыкновенном...

В обыкновенном – чуда больше.
В тумане – ярче голоса.
Огни не дразнят сонной ложью.
Огрызок верит в сочный сад.

Рождений смертная порука.
Инверсий свадебных развод.
А я – хочу картошку с луком
и самый быстрый бутерброд!

Чтоб проще некуда. Без мыслей.
Без разговоров.
Налегке!

Слова над пропастью зависли,
пока ржаной на языке.

Удивиться б...

Выскребаю вчерашние раны.
Ждать ли новых – аптечка пуста.
Все бои за любимых – без правил.
Вся любовь – провокация рта

лишь бы в горло друг дружке вцепиться
ради власти – и не опознать
отражение в подранных лицах,
где у зеркала – рожи опять.

...

Не осталось вопросов к загадкам.
Очевидности ходят в очках.
Удивиться б, что з'ажило гладко,
да с бинтами развеяли прах.

Если сбудутся все «если»

Стрекот дождётся кузнечиков.
Лето дождётся тепла.
Мне и желать больше нечего,
если *позволят* желать.

Всем, кто стрекочет и слушает,
хватит друг друга: союз
жажды – с наполненной кружкой.

Если *услышу* – напьюсь.

«Много – может быть недостаточно...»

Много – может быть недостаточно,
если много – всего мечты,
но *годами* за них заплачено,
где и жить-то не начал ты.

Глянешь: нет ничего в загашнике.
Только нет ничего – и вне.
А мечта, как была вчерашняя,
так и завтра – на день бедней.

Любимый горький

откусывала горький шоколад
и грела языком уничтожая

жестокая

как память небольшая
которой всё позволено глотать
не оценив ни горечи
ни меры
доверия родному языку

...

но я давно у всех родных в долгу
любить без искажений не умея

Зачем...

Зачем играют в пониманье,
где не пытались понимать?

Зачем латать дыру в кармане,
когда весь мир перешивать?

Зачем так много восклицаний
при немощи пустых слогов?!

З а ч е м —
души моей, лица ли —
портрет до смерти
не готов...

«К чему все эти сложности...»

К чему все эти сложности
и вычурности чувств?
Наверно, нашей совести
и впрямь не по плечу
болезни да ремиссии
с набором щедрых льгот:
аттракционы виселиц,
и душ коловорот...

.....

Но май ещё старается
любовью удивить,
хотя и сам – лишь станция
в транзите той любви.

Празднуем непраздник

Празднуем непраздник и молчим, —
чтоб слова не думали о худшем.

Поводу не нужно сто причин
сделать цель самой себе ненужной.

Молча – безопаснее вдвоём
там, где двое – прихоть единицы,
для которой списки создаём:
«Сто причин без счастья веселиться».

Слышишь, как нашёптывают нам
новые слова для переписки...

...

В буквах благороднее спина,
если отвернётся самый близкий?!

Множество истин...

Множество истин примерила правда —
и ни в одной не узнала всю правду.
Знать и не следует. Чувствовать надо!
Но не осталось и чувств. Суррогату
справку вручили, что быть суррогатом —
это нормально, где нормы суровы.

Истина тоже с рожденья горбата,
если неточное выбрано слово.

Глупый клоун

...А ведь когда-то —
трезвый и весёлый,
и всё по-настоящему,
где мог
не врать себе,
что зритель тем спасённый,
что выгорел
смешивший дурачок...

Свет ухитряется...

Свет ухитряется пролезть
туда, где ангелам не виден.
Самобичующая месть
за то, что слишком плодовитый;

что нарожал на полземли
таких же ярых мазохистов:
живых лучей не сберегли, —
чтоб умирание лучистой.

Неужто прощя не дано
гореть романтикам отпетым,
кто, поощряя плач родной,
в себе высмеивал поэта?..

Не пора ли заменить?

Приглядывать за тем, кто был моим?
Подсматривать за тем, что отобрали?
Не много ли старья в оконной раме,
когда стекло разбито молодым?

Но старый город не перечит мне
и новости приносит, невзирая
на то, что я сама их сочиняю
для выставки в общественном окне.

.....

Смотрите!.. мне не жалко подарить
всё, что украсть из спальни не успели.
Я спряталась, раздетая, внутри —
так, что себя нащупываю еле.

Ты не мог...

Ты не мог не видеть, милый,
как уходит жизнь моя;
как слова теряют силу
и как их стыдилась я.

Ты не мог не знать о сроках,
где и время вечно врёт;
обрывается дорога,
не вписавшись в поворот.

Ты не мог убить!.. но всё же
кто-то должен убивать.

Не вини себя. Я тоже
не спасла больную мать.

Воздух дорожает

Упрекаешь моё молчанье,
а потом и сказать не дашь.
У начальников есть Начальник.

Иерархии ералаш
невесёлый, – но ради хохмы
улыбнётся и труп в петле.

...

Впрочем, мёртвый
и значит дома,
если вдохам
и воздух —
плен...

Чужое детство

Куда б ещё тебя послать,
чтоб было слаще, чем со мною? —
и там пошло бы всё на лад,
хоть у тебя, – раз я не стою.

Любовь и прочее... Как ты
себя предпочитаешь видеть,
и будешь – маленький – мечты
купать с бедой в одном корыте,

не различая их рельеф
в своей всеядности рельефов;
жалея голых королев,
чтоб в каждой жалкой – королева.

Останься там! Я тут сама
чужое детство буду мерить,
взрослея в статусе дерьма —
и взрослым статусам не веря!

«Вот бы молча друг друга спасали...»

Вот бы молча друг друга спасали
все, кто любит речами завлечь!..
Но природа желаний простая:
сыт желудок – и чистая печь.

Изощряющимся Из написанных раньше

Не лейте жира на страницы,
Переборщив с игрой в слова,
Но будьте проще! Чтоб напиться
мог человек, живой едва...

Не напитокся

Все концентрации малы
для ясности простых напитков.
Я страх поила бы с иглы,
уча смирительной улыбке.

Пускай хотя бы день один
сравнит естественность и дозу.
Но всякий раз серотонин
меня проигрывал психозу.

Страх, не наученный любви,
сжигал улыбку концентратом,
не обнаружив половин,
где каждая быть *каплей* рада..

Зачем тогда всё? Из написанных раньше

Милый мой, на этом свете
Всё давно произошло.
Так же падал в душу ветер.
Так же белое мело.

Шатко, валко, понарошку.
Много, мало, пустота.
С человеком, с другом, с кошкой.
С этим, с той ли. Лёг – не та.

Не дойдя до половины,
Половинку потерять,
Не успев найти... Повинных
В виноватых не сыскать.

Ничего не будет лучше!
Утро катится в закат.
Хочешь хуже?!.. Значит, нужен
Человеку этот ад.

Что своё, что чужое

Любимых больше не ищу.
Своей любви не предлагаю.
Даётся повод – я грущу.
Отнять и повод – умираю.

Чужие правила претят.
Свои – оставили без дома.
И очень хочется назад,
но и вернуться – незнакомо.

Что мне любимые теперь,
когда исправить – слишком поздно?
И я, больной, безродный зверь, —
для них ненужная заноза.

Наивно верила словам,
в которых люди упражнялись
и рифмовали тут и там
натренированную
жалость...

Ты ли я?

Вот бы наняться к себе, типа я
в собственном теле – доставщик чужого.
Можно схалтурить, где раньше нельзя,
галочки ставить и ждать выходного.

Дома не помнить, ни кто ты, ни где:
нет оболочки – и нет содержания.
Мокнуть не надо в сквозной высоте.
Снизу – протечка, но не раздражает.

Тело – чужое. Течёт ли, горит —
платишь не ты и не ты отвечаешь,
если исчерпан казённый лимит
личных вложений для дружбы с врачами.

.....

Только очнёшься – в тоннеле темно.
Свет экономят при встрече придурка.
Тело профукал. С в о ё!

Выходной?
Нет! – увольнение.

Выгорел, сука...

«Судьбы неповоротливая роль...»

Судьбы неповоротливая роль
исчерпана чужими рычажками, —
а я играю в честное зеро,
ум'ершим быть любимой привыкая.

При жизни не умеют так любить,
да и заря рассвет не привечала.
Но кто-то за рогожевую нить
полвека дёргал, жертвуя мочало.

Узел ближе угла?

Где эта взрослость, в которой уютно?
Бантики лезут узлами наружу.
Мчимся куда-то, хотя ниоткуда.
Плачем о ком-то,
хотя и не нужен.

Вот это взрослое – «мы» п о н а р о ш к у.
Легче и спрятаться, и оправдаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.